

состоятельностью и другими преступленіями) имѣть существенное значеніе въ виду различнаго вліянія обстоятельствъ, увеличивающихъ наказаніе, и связи дѣянія съ прежнею наказуемостью въ случаѣ, когда законъ значительно усиливаетъ наказаніе при тождественномъ повтореніи, т. е. впадении въ тоже самое преступленіе. Но гораздо важнѣе вопросъ о предѣлахъ уголовнаго обмана и о томъ, въ какихъ случаяхъ обманъ даетъ единственно право требовать вознагражденія гражданскимъ порядкомъ. Если съ одной стороны сильно развившееся въ новѣйшее время стремленіе къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ, открывая поле новаго рода мошенничествамъ, обратило на себя вниманіе законодателей; то съ другой — не слѣдуетъ упускать изъ виду, что излишняя строгость закона могла бы вредно повліять на ежедневныя экономическія отношенія, и что лучше нѣкоторые случаи мошенничества оставить безъ наказанія, чѣмъ ослаблять вѣру гражданъ въ свободу договоровъ или открывать злонамѣреннымъ поле для ябеды.

Вопросъ о предѣлахъ ненаказуемаго мошенничества зависитъ въ области законодательства и науки отъ опредѣленія зтого дѣянія, а равно отъ характера и господствующихъ понятій даннаго народа. Въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ опасеніе стѣснить свободу отношеній удерживаетъ законодателя отъ энергическаго вмѣшательства. По господствующимъ тамъ воззрѣніямъ, каждый вступающій съ другимъ въ сдѣлку долженъ быть весьма осмотрительнымъ, зная, что послѣдній будетъ всячески стараться обмануть и эксплуатировать его. Обманутый американецъ даже не жалуется суду, чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ согражданъ, которые иногда даже аплодируютъ плуту. Въ Англіи, несмотря на убѣжденіе, что торговымъ оборотамъ слѣдуетъ предоставить свободу, и что каждый долженъ приступать къ сдѣлкѣ съ осмотрительностью, чест-